

О русском генотипе

Марксистская, "истматовская" концепция общественного развития не сумела ни объяснить, ни предвидеть этапы мирового социального процесса, особенно в XX в. В России как раз политические факторы обусловили ломку экономической структуры и далее то или иное развитие (или регресс) производства, что означает обратную истматовской логику. А в подпочве лежали вековые тенденции социокультурного характера, которые циклически воспроизводили в России ситуацию "догоняющего развития". Словом, общественное развитие — гораздо более сложный, многофакторный процесс, не поддающийся монистическому объяснению исторического материализма. Поэтому привычный, весьма удобный для объяснения, стройный монизм должен уступить место не столь последовательному, не цельному, как монолит, но полнее отображающему многообразие живой жизни плюрализму. Этот важный методологический факт еще не осмыслен подавляющей частью наших экономистов. Во всяком случае осознанный отход к социально-культурному объяснению экономической динамики я обнаружил

у А.С.Ахиезера и В.Т.Гельбраса. Этот мотив начинает звучать у Л.И.Абалкина, Ю.В.Яковца и некоторых более молодых ученых.

Развитие России, в частности, замышляемые и осуществляемые в стране реформы и оценка их возможного хода и последствий, существенно зависят от господствующего в обществе социально-экономического генотипа(СЭГ)¹. Социально-экономический генотип — это информационный механизм социального наследования и социальных изменений, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и распространения позитивного опыта) в определенной общественной системе. Он включает и стимулы к инновациям, и формы научения, типичные для данного общества. Таким образом, СЭГ предстает как механизм социальной эволюции, совмещающий основные характеристики трех ее сторон: наследственность, изменчивость и селекцию.

В предельно упрощенном виде структура СЭГ может быть представлена так. В ее основе лежат система социально-экономических интересов и система культуры данного общества. Их пересечение синтезируется в системе ценностей. Через "переходник" ценностных ориентаций и установок она воплощается в мотивационном комплексе и связанном с ним блоке многообразных социально-психологических характеристик. Далее все это конкретизируется в парадигме социального поведения и действия. И, наконец, олицетворяется в системе норм и стимулов. Так от глубинных, во-многом интимных социальных и духовных ценностей СЭГ ступень за ступенью поднимается на поверхность общественной жизни в виде элементов социального и хозяйственного механизма. Он образует, вместе с тем, вполне определенную, хотя и не во всех своих звеньях улавливаемую целостность.

Рассмотрим особенности СЭГ в современной России. Помимо общероссийских черт, образованных совместной жизнью в одном государстве многих и достаточно разнородных народов, в его рамках существуют и их этнические, политико-экономические отличия И даже региональные специфические характеристики. Время усиливает общие черты, особенно в процессе урбанизации, нивелирует многие особенности, но не ликвидирует их полностью. Прежде всего здесь речь пойдет о воплощении СЭГ в русском менталитете. Ведь русские составляют более 4/5 населения Российской Федерации.

Как и у любого народа, в его основе лежат общечеловеческие ценности — личность и семья, их безопасность и благополучие, любовь к родине. В российской системе ценностей с ними издавна сплетены державность, соборность, общинная уравнительность.

¹ Я занимаюсь этими проблемами с 1963 г Большая сводная статья о СЭГ Мною опубликована в сборнике Постижение М, Прогресс, 1989 Там приведены ссылки и на более ранние мои работы

Державность насаждалась в имперской, преимущественно милитаризованной форме, благодаря чему в последние годы и понесла урон, породила у многих чувство национального унижения.

Подобные проблемы возникли после второй мировой войны не только перед побежденными империями Германией и Японией, но и перед такими державами-победительницами как Великобритания и Франция. Они возрождали свой статус нелегко, но на мирных линиях развития, не связывая его с имперскими традициями, хотя вторые две и не без рецидивов (для Англии и Франции — Суэцкий кризис 1956 г., для Франции — Вьетнам и Алжир). Конечно, по многим обстоятельствам Россия отличается от них — и не одним лишь территориальным единством державы. У русских в СССР было самоощущение отца или "старшего брата" в патриархальной семье: он помогал, но он и распоряжался.

Державность издавна оправдывалась и обосновывалась тезисом о спасительной всечеловеческой миссии православной России. "Москва — третий Рим", — писал в начале XVI в. псковский монах Филофей. В советские годы она стала базой и центром мировой коммунистической революции, потом — социалистического лагеря. Кстати, и британская державность прокламировала свою цивилизаторскую роль, воспетое Кипплингом "бремя белого человека". Но в отличие от западных держав в России державность всегда была слита с приматом государственного начала, причем в авторитарной форме.

Поэтому державность здесь не отделялась от господства военно-бюрократического государства, располагающего подавляющей личностью машиной принуждения. Суверенной личности не было ни в жизни, ни в сложившейся системе ценностей. Сакрализованное могучее государство возвышалось над всем.

Тем не менее характерной русской ценностью всегда была соборность. В ней постоянно присутствовала активная сторона совместного самодействия — основа земской жизни, соседской взаимопомощи, а порой и местного самоуправления. Но чаще преобладало пассивное общее подчинение высшей власти. Особенно характерно это было для советского коллективизма, который стал одной из важных идеологических форм порабощения личности. Обе стороны "внизу" переплетались в русской общине (по-разному в средней, крепостнической России и у казаков) и они же своеобразно согласовались с самодержавием "наверху".

В любых вариантах общинности в той или иной мере и форме реализовывалась уравнительность при распределении благ. Эта характернейшая черта в течение веков превратилась в одну из ценностных доминант в народной толще, активно противостоя индивидуальным усилиям по росту частной собственности и обогащению, тесня дифференциацию распределения по труду: "от трудов праведных не наживешь палат каменных".

Уравнительность (и шире — равенство) во-многом предопределила содержательную ориентацию добра и справедливости — моральных ценностей, высоко стоящих в русской ценностной шкале. Характерно, что они в русском традиционном варианте не связываются с законностью и правом, а порой и противопоставляются друг другу. Общинная уравнительность укоренилась в сплаве с патернализмом — надеждой не на себя, а на помощь сверху, от других.

Обратная сторона такой опеки — иждивенчество. Именно этот сплав государственной (и иной высшей) власти, уравнительности и иждивенчества — наиболее характерная, определяющая черта традиционного российского генотипа. Она достаточно явно противостоит индивидуализму, преимущественной опоре на собственные силы, расчетливому конкурентному прагматизму, отмечаемым в англо-саксонском генотипе. Ядром такого генотипа является рационализм, в то время как российский генотип базируется на христианском смирении и долготерпении. Правда, за определенной чертой русский человек способен к взрыву — вплоть до бунта, который А.С.Пушкин характеризовал как "бессмысленный и беспощадный".

Мы тем самым перешли к социально-психологическим характеристикам СЭГ, тесно связанным с системой ценностей и мотивациями. Долготерпением и неприхотливостью окрашено и отношение русских людей к труду. По сути оно колеблется между двумя полюсами — бескорыстным энтузиазмом и постылой тягостью, редко утверждаясь в центре шкалы как нормальный и необходимый способ жизнедеятельности. Причина в том, что в массовом сознании, как и в жизни, веками была разорвана прямая связь между трудом, распределением и потреблением. Распределение определялось никак не трудом, а статусом, положением в системе власти, наконец, собственностью. Большую роль в сознании и действии по отношению к чужой и особенно к "ничейной" общественной собственности при низком законопослушании играло рвачество в разных формах. Во всем блоке: труд — распределение — потребление характерны крайние позиции, вымывание срединного ядра, основанного на нормальном труде и достойной бережливости (ядра, типичного, скажем, для протестантской частнособственнической или конфуцианской этики).

Да и в характере труда преобладает авральность, готовность к чрезвычайным усилиям, заменяющим расчетливую систематичность. Эти черты дополняет низкая трудовая мобильность — профессиональная, квалификационная и территориальная. Кроме квалификационной, она характерна для Японии и других стран с закрепленным местом работы.

А в целом типичной социально-психологической характеристикой русского человека являются широта, размах, вплоть до размахистости и невнимания к деталям и досадным "мелочам". Русская широта в

предельном случае достигает всечеловечности, сострадания уже не к ближнему, а ко всем людям. Отсюда и чувство ответственности за весь мир, жажда социальной справедливости, часто перерастающие в мессианство. Они же питают и максималистские устремления ко всеобщему счастью обязательно завтра, что не может не порождать утопий и социальных катаклизмов.

Перейдем к следующему компоненту СЭГ — мотивационному комплексу. В России не развита (или крайне слабо выражена) мотивация цивилизованного частного собственника — хозяина — для этого нужны частная собственность, гражданское общество и правовое государство. Напротив, преобладает мотивация подданного великой империи, зависимого от приказов всей вышестоящей иерархии и вынужденного их выполнять или обходить, ловчить, но всегда надеяться на получаемые сверху блага. Отсюда проистекает и достаточно характерная привычка прибедняться — авось барин или власть пожалеет и что-нибудь подбросит. Она прямо противоположна американскому лозунгу: "Всегда держи улыбку!". Но в России, где многие черты генотипа амбивалентны, наряду с риторикой жалоб и бедности проявлялись и проявляются дворянское прожигание жизни, купеческий загул, показное потребительство "новых русских".

В быту установка на государство конкретизируется в мотивах иждивенчества и служения (возможно, и вполне добросовестного). Служение может доходить и до бескорыстного энтузиазма, а порой до фанатизма. Оно же может проявляться и в лукавом обмане господина-государства. Другой стороной этой же позиции является мотив принадлежности к державе, гордости за нее. Исторические перипетии в течение веков привели к тому, что этот мотив сопрягается с обостренным противостоянием "мы" и "они", где чужие "они" очень легко переводятся в разряд врагов.

Характерно, что в России ценностная доминанта — упование на государство — сочетается с отчуждением от него. Государство, власть — это всегда "они", а не "мы" (как отечество, страна). Такая установка связана с восприятием государства как внешней силы, не зависящей от человека, что естественно при недемократической традиции. Вот эта двойственность отношения человека к господствующему над ним государству глубоко въелась в ядро российского СЭГ.

Она же во многом определяет парадигму социального действия (ПСД) — следующий компонент СЭГ, который зафиксирован в концепциях и программах поведения людей. В России в ПСД издавна, еще со времен Московии господствовала "государственническая" концепция централизованного, административно-бюрократического управления обществом авторитарного типа с идеологическим обоснованием, основанным на вере. Ее лапидарно и выпукло выразил в начале XIX в. С.С.Уваров формулой "Православие, само-

державие, народность". Спустя полтора года эту же формулу с поправкой на большевистский лексикон высказал под овацию большинства на I съезде народных депутатов СССР в 1989 г. "афганец" С.В.Червонопиский "Держава, Родина, Коммунизм"¹.

На другом полюсе русский дух порождал и главных теоретиков анархизма в лице М.А.Бакунина и П.А.Кропоткина, и бунтарство казачье-крестьянских восстаний, движения Н.И.Махно и многих других групп в гражданской войне 1917—1920 гг. В России, как правило, побеждали крайние концепции авторитарного типа, в которых имелся и изрядный заряд разрушительности — от петровских реформ до большевистских. Очень редко и до сих пор ненадолго пробивались центристские программы сравнительно либерального толка.

В разных слоях российского общества в РСД также издавна совмещались две традиции: земская (она хоть и была угнетена, но никогда не умирала) и имперская. Последняя признавала господство колоссального бюрократического аппарата, "естественную" роль насилия и детальнейшей канцелярской регламентации всей жизни. Веками все население — снизу доверху — ориентировалось в своем стремлении к благосостоянию не на собственность, а на власть. Власть давала в пользование и распоряжение собственность, допускала к ней и лишала ее. В Московии должности и места давались воеводам и чиновникам "на кормление", земли — дворянам за службу в "поместьях". Не столь откровенно, но по сути подобно, поступала с госсобственностью и партноменклатура.

На любом историческом этапе бюрократия стремилась сохранить полученную в распоряжение собственность как свою, наследственную, присвоить ее. Важное значение в этом имел манифест 1762 г. о вольности дворянства. Столь же важным в другую эпоху был закон 1987 г. о государственном предприятии, ставший вместе с законами о кооперации и аренде началом малозаметного, но существенного процесса бюрократической приватизации госсобственности. Царистские иллюзии (пресловутая народность как единение царя с народом) позволяли, если становилось невтерпех, противопоставлять доброго царя, а потом генсека, злым боярам, а позже чиновникам и "врагам народа". Если спуститься к повседневным интересам людей, то на первом месте стоят заботы о твердом, пусть небольшом заработке и уверенности в завтрашнем дне (45% опрошенных в 1988 г. и 54% в 1994 г. по данным Ю.Левады)². Достаток и стабильность важны человеку в любом обществе. Вопрос в их

¹ I съезд народных депутатов СССР (25 мая — 9 июня 1989 г.) // Стенографический отчет Т 2 М, 1989 С 344

² Куда идет Россия⁷ Альтернативы общественного развития Т 2 М, 1994 С 219

соотношении. Большая стабильность обычно связаны с большим вмешательством государства, усилением его контроля.

При такой широко признанной роли государства тем не менее в завершающем звене СЭГ — системе норм и стимулов — общегосударственные правовые нормы все еще не занимают ведущего места. На передний план выходит продукт бюрократического произвола — административные нормы (сверх отведенного им нормального поля регулирования локальных процессов).

Важной особенностью российского СЭГ, наложившей отпечаток на многие его компоненты, являются черты, вытекающие из эффективно догоняющего развития. Россия до ордынского нашествия развивалась, в основном, вровень с раннефеодальными государствами Европы. Затем темп развития существенно затормозился, что отрицательно сказалось на русско-западных отношениях. Это и заставляло власть периодически подхлестывать страну, проводя сверху давно назревшие реформы, ориентируя их прежде всего на преодоление военного отставания. Совсем с другой стороны, на "микроуровне", неритмичный, взрывной характер труда вкупе с желанием быстрой отдачи действовал в том же направлении. Такое сплетение разнородных факторов задавало России рваный, лихорадочный рисунок социальной, политической и экономической динамики, поспешность в проведении необходимых преобразований (и утопическую надежду на быстрые результаты). Они характерны и для нынешних времен.

Но сейчас сверхзадача преобразований, формулируемая как "переход к рыночной экономике" (или реже — "к капитализму"), на деле и шире, и гораздо сложнее. Речь идет по существу о кардинальном сдвиге в СЭГ России. Веками существовал примат государства и связанные с ним характеристики — бюрократический диктат, вертикальная экономическая и политическая зависимость людей, истощающее постоянное опережение требований державы по сравнению с возможностями ее подданных, что В.О.Ключевский выразил в итоговой характеристике: "Государство пухло, а народ хирел"¹. Требуется в конечном счете переход к примату личности, свободной, инициативной и ответственной за себя, свои поступки и результаты деятельности, к служебной роли государства, правового, четко, гласно и демократически функционирующего, к гражданскому обществу. Если это осуществится, то будет означать такое коренное изменение самых глубинных основ СЭГ и всех его звеньев, какой еще не было в истории России.

Причем надо видеть целостность и высокую степень инерционности СЭГ и его компонент, способных к изменениям в неодинаковой мере и с неодинаковыми темпами.

¹ Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 12.

Неизбежен ли такой поворот? И наш, и мировой опыт указывает, что в принципе — да. Все прочие пути мы испробовали. Решая те или иные имперские задачи, они неуклонно увеличивали народные тяготы, вели в сторону от подлинного расцвета общества. Поэтому вопрос об ином, особом направлении пути развития для России мне представляется беспредметным. Постиндустриальная модернизация делается его категорическим императивом. Идти не туда, куда идет весь остальной мир, значит идти в никуда.

Иное дело — специфика движения по общему пути. Вот здесь-то и проявляются все особенности российского СЭГ, как, собственно, и в любой другой стране. В этом и только в этом смысле правомерно говорить об особом пути. Большую роль на этом пути будет играть национальный вопрос, обеспечение целостности государства и интеграционные процессы с некоторыми бывшими республиками СССР, протекающие на фоне преодоления известной ущемленности привычной русской позиции "старшего брата" и ввевшегося недоверия со стороны бывших "младших братьев". Еще долго, особенно на первых этапах, сохранится особая, если не ведущая, роль государства и огромной, разветвленной российской бюрократии — стряхнуть все это одним рывком совершенно нереально. Точно так же не исчезнет в одночасье в достаточно широких слоях населения привычка к патернализму, государственной опеке — кстати, одна из мощных опор бюрократии. Вопрос в том, как нейтрализовать возможные негативные последствия, и даже использовать эти неизбежные явления на благо реформ — этим и будет определяться конкретное лицо "российского пути". Придется решать задачу небывалой исторической трудности, и "российский путь", особенно поначалу, не избежит крупных зигзагов.